

Министерство образования и науки Российской Федерации

УДК 82.01, 82.02, 82.09

ГРНТИ 17.01.11; 17.09.09; 17.82.00; 17.07.21; 17.01.33

Инв. №

УТВЕРЖДЕНО:

Исполнитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина»

От имени Руководителя организации

Зам. проректора по науке

_____/ Иванов А. О. /

М.П.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

о выполнении 6 этапа Государственного контракта
№ П661 от 19 мая 2010 г. и Дополнению от 09 марта 2011 г. № 1

Исполнитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина»

Программа (мероприятие): Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., в рамках реализации мероприятия № 1.2.2 Проведение научных исследований научными группами под руководством кандидатов наук.

Проект: Восприятие инокультурного текста русскоязычным читателем (на примере произведений массовой литературы)

Руководитель проекта:

_____/Назарова Лариса Александровна

(подпись)

Екатеринбург
2012 г.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ
по Государственному контракту П661 от 19 мая 2010 на выполнение поисковых на-
учно-исследовательских работ для государственных нужд

Организация-Исполнитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина»

Руководитель темы:

кандидат филологических наук, доцент _____ Назарова Л. А.
подпись, дата

Исполнители темы:

кандидат филологических наук, без ученого звания _____ Спиридонов Д. В.
подпись, дата

без ученой степени, без ученого звания _____ Ессяк Е. С.
подпись, дата

без ученой степени, без ученого звания _____ Косарева А. А.
подпись, дата

Реферат

Отчет 73 с., 1 ч., 0 рис., 0 табл., 21 источн., 0 прил.

инокультурный текст , массовая литература , зарубежная литература , психология чтения , эстетическая рецепция , восприятие художественного произведения

В отчете представлены результаты исследований, выполненных по 6 этапу Государственного контракта № П661 "Восприятие инокультурного текста русскоязычным читателем (на примере произведений массовой литературы)" (шифр "НК-643П") от 19 мая 2010 по направлению "Филологические науки и искусствоведение" в рамках мероприятия 1.2.2 "Проведение научных исследований научными группами под руководством кандидатов наук.", мероприятия 1.2 "Проведение научных исследований научными группами под руководством докторов наук и кандидатов наук" , направления 1 "Стимулирование закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий." федеральной целевой программы "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009-2013 годы.

Цель работы - Построение теоретико-методологической схемы рецепции зарубежной массовой литературы

1. Методы социологического опроса: двухэтапное анкетирование (анкета с открытыми, закрытыми и шкалированными типами вопросов); качественные эмпирические методы: интервью, наблюдение, case study – необходимы для глубинного изучения механизмов мотивации и рецепции.
2. Методология немецкой рецептивной эстетики, американской рецептивной критики, теории читательской реакции, российской школы по изучению проблем восприятия художественного текста, библиотерапии, представленные в трудах Н. Рубакина, О. Никифоровой, Л. Жабицкой.
3. Функционально-рецептивный подход к изучению текстов массовой литературы.
4. Феноменологическая социология чтения.

статистическая обработка данных, программное обеспечение для обработки анкет, электронные ресурсы открытого доступа в сети Интернет, электронные базы данных научной библиотеки УрФУ

1. Проведены обобщение и оценка результатов исследования.
2. Составлен научно-аналитический отчет с обобщением и оценкой результатов НИР и подготовлена вся необходимая научно-техническая документация.
3. Разработаны рекомендации по использованию результатов поисковой научно-исследовательской работы при разработке научно-образовательных курсов.

4. Издан сборник научных трудов «Культ-товары XXI: ревизия ценностей (маскультура и ее потребители)».
5. Прочитаны доклады по теме исследования на Всероссийских студенческих научно-практических конференциях.
6. Представлено к обсуждению на кафедре диссертационное сочинение, выполненное в рамках реализации госконтракта.
7. Основные результаты поисковой научно-исследовательской работы опубликованы в 2 научных статьях, посвященных проблемам изучения текстов зарубежной массовой литературы в аспекте восприятия в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ, со ссылкой на проведение поисковой науч-но-исследовательской работы в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы.

СОДЕРЖАНИЕ

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ	1
СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ	2
РЕФЕРАТ	3
СОДЕРЖАНИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	6
ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ	8
1. Аннотированная справка по научным результатам НИР, полученным на предыдущих этапах	8
2. Аналитический отчет о проведении теоретических и экспериментальных исследований	10
3. Отчет по обобщению и оценке результатов исследований	25
3.1. Модели, методы, программы и алгоритмы, позволяющие увеличить объем знаний для более глубокого понимания изучаемого предмета исследования новых явлений, механизмов или закономерностей	25
3.2. Рекомендации по внедрению результатов НИР в научно-образовательный процесс	45
4. Публикации результатов НИР	46
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	69
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ	72

ВВЕДЕНИЕ

Исследовательские работы на шестом этапе научного проекта по изучению проблем рецепции инокультурного текста русскоязычным читателем потребовали от его участников сосредоточиться в первую очередь на обобщении и оценке приобретенного в рамках выполнения НИР исследовательского опыта. Результатом этого обобщения стало постулирование функционально-рецептивного подхода к изучению произведений массовой литературы, уточнение важнейших теоретико-методологических положений, связанных с определением понятий «стратегия чтения», «модель чтения», «функции чтения», «читательская ситуация».

На четвертом этапе исследования нами уже была выработана синтетическая методология, включающая, помимо собственно литературоведческих методов исследования, специальные эмпирические методы, используемые специалистами в области социальных наук, социальной психологии, психологии восприятия художественной литературы. Эта методологическая стратегия была апробирована в ходе двух эмпирических исследований, которые, доказав работоспособность новой методологии, позволили увидеть и ее слабые стороны, а именно крен в сторону психологических детерминаций личности при экспликации моделей чтения, что, в свою очередь, требует использования надежной методики психологической диагностики, а также проведения трудоемкой процедуры психологического тестирования, что в условиях case-study не всегда удобно. В этой связи на пятом этапе было предложено более тесно интегрировать уже разработанные положения функционально-рецептивного подхода к изучению произведений массовой литературы в структуру теоретико-методологических положений феноменологической социологии. По сути, это позволило уйти от «реализма» в трактовке базового понятия исследования и дать ему «номиналистское» толкование, в результате чего стало возможным дополнить систему теоретических категорий и понятий такими элементами, которые открывают новый взгляд на систему детерминаций процесса чтения. Так, чтение интерпретируется не просто как процесс с заданными функциями (т.е. интенциональный процесс, нацеленный на решение практической социальной задачи) и совершаемый по определенной более или менее типичной модели, определяемой функциями чтения и спецификой читательской ситуации, но как процесс,

подготовленный представлениями субъекта о роли книги и чтения вообще, а также о структуре литературной продукции и о тех функциях, которые разнообразные ее виды могут выполнять. В этой связи оказалось важным ввести понятие «обыденного языка», членящего весь объем культурной продукции на различные категории, а также допустить, что существенным является не то, каковы характеристики текста «на самом деле» (т.е. является ли он «массовым», «интеллектуальным» и проч. «на самом деле»), а то, каков набор соответствующих категорий в сознании субъекта и какие признаки он им приписывает. Исходя из этих соображений, на пятом этапе исследования была, по сути, построена «номиналистская» теория массовой литературы, открывающая, как нам представляется, новые пути и в области эмпирического изучения чтения.

На шестом этапе различные исследовательские «линии» были сведены в единый узел, что позволило по-новому взглянуть на достигнутые в рамках выполнения НИР результаты. В целом, полученные результаты следует признать *новаторскими* не только в плане изучения массовой литературы, но и в более широком научном контексте – методологии рецептивных исследований литературы, социологии литературы, социологии массовых коммуникаций. Была предложена *теоретическая модель, методы, а также категориальный аппарат, позволяющий по-новому описывать акт рецепции литературного произведения* (в том числе – в перспективе – не массовой литературы), опирающийся на достижения эмпирического литературоведения, социологии и психологии литературы, социологии массовых коммуникаций и обслуживающий новую синтетическую методологию изучения литературы.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Проведение 6 этапа исследований по проблеме: «Восприятие инокультурного текста русскоязычным читателем (на примере произведений массовой литературы)»

1. Аннотированная справка по научным результатам НИР, полученным на предыдущих этапах

На предыдущих этапах НИР получены следующие результаты.

На 1 этапе выполнения НИР:

1. Проведен аналитический обзор российских и зарубежных источников по проблемам методологии изучения восприятия (немецкая школа рецептивной эстетики, российская социология чтения, эмпирические подходы к изучению «реакции читателя»), по результатам которого подготовлены две научные статьи.

2. Разработана и представлена в виде инструкции для участников проекта модель исследования проблем восприятия инокультурного текста.

3. Подготовлено обоснование оптимального варианта направлений исследований, разработан план проведения исследований.

4. Составлен план проведения научно-практического семинара кафедры зарубежной литературы УрГУ на тему «Проблемы методологии изучения восприятия инокультурного текста», разработаны методические рекомендации участникам проекта.

5. Подготовлены методические материалы с указанием основных параметрических характеристик исследования, составлен опросный лист для проведения первого этапа анкетирования.

На 2 этапе выполнения НИР:

1. Исследованы основные параметры «массового чтения», в том числе в аспекте библиотечной социологии.

2. Проведен первый этап анкетирования, направленный на предварительное установление зависимости между основными социальными параметрами личности (пол, возраст, уровень и характер образования, рода деятельности) и ее литератур-

ными предпочтениями. Обоснована структура анкеты, обработаны и проанализированы результаты анкетирования.

На 3 этапе выполнения НИР:

1. Проведен второй этап социометрических исследований с использованием анкетирования и метода интервью.
2. Разработаны положения функционально-рецептивного подхода к анализу произведений массовой литературы, в рамках которого шла дальнейшая работа по основной теме проекта.
3. Разработаны рекомендации для школьных учителей, библиотекарей и редакционно-издательских учреждений, включающие обзор наиболее популярных в России авторов и произведений зарубежной массовой литературы.
4. Прочитаны научные доклады на всероссийских и международных конференциях по методологическим аспектам, анализу и интерпретации произведений массовой литературы, опубликованы 2 научные статьи по итогам конференций, в том числе одна в журнале, рецензируемом ВАК РФ.

На 4 этапе выполнения НИР:

1. Описаны модели и стратегии восприятия произведений массовой зарубежной литературы русскоязычным читателем.
2. Выявлены взаимосвязи читательского восприятия с практикой интертекстуального анализа текста.
3. В рамках IV Всероссийской студенческой конференции «Зарубежная литература: контекстуальные и интертекстуальные связи» организована секция, посвященная проблемам восприятия современной западноевропейской массовой литературы в России.
4. Организована и проведена заочная международная научно-практическая конференция «Массовая зарубежная литература: инокультурный текст в рецептивном аспекте».
5. Прочитаны 6 докладов на научных конференциях разного уровня, одна статья принята к печати в журнал из списка ВАК РФ.
6. Выпущена монография Турышевой О. Н. «Книга – чтение – читатель как предмет литературы».

На 5 этапе выполнения НИР:

1. Усовершенствована теоретико-методологическая база исследования в аспекте разделения функций профессионального и непрофессионального чтения, а также содержательного наполнения понятия «качество чтения» в его взаимосвязи с проблемой восприятия.

2. Издан сборник научных трудов по материалам организованной и проведенной на предыдущем этапе заочной международной научно-практической конференции "Массовая зарубежная литература: инокультурный текст в рецептивном аспекте", посвященной проблемам рецепции инокультурного текста массовой литературы.

3. Опубликованы материалы ежегодной студенческой конференции «Зарубежная литература: контекстуальные и интертекстуальные связи», в рамках которой работала секция, посвященная проблемам восприятия современной западноевропейской массовой литературы в России. Опубликованы материалы международной проведенной на предыдущем этапе конференции «Массовая зарубежная литература: инокультурный текст в рецептивном аспекте».

4. Одна статья опубликована в ведущем рецензируемом журнале из списка научных периодических изданий, рекомендованных ВАК РФ. Подготовлена и защищена одна кандидатская диссертация.

5. Совместно с Университетом г. Тампере (Финляндия), Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург) и Областной научной библиотекой им. В. Г. Белинского 22-23 мая 2012 года в Екатеринбурге проведена Международная научная конференция «Культ-товары-XXI: ревизия ценностей. Масскультура и ее потребители».

На 6 этапе выполнения НИР:

1. Проведены обобщение и оценка результатов исследования.

2. Составлен научно-аналитический отчет с обобщением и оценкой результатов НИР и подготовлена вся необходимая научно-техническая документация.

3. Разработаны рекомендации по использованию результатов поисковой научно-исследовательской работы при разработке научно-образовательных курсов.

4. Издан сборник научных трудов «Культ-товары XXI: ревизия ценностей (масскультура и ее потребители)».

5. Прочитаны доклады по теме исследования на Всероссийских студенческих научно-практических конференциях.

6. Представлено к обсуждению на кафедре диссертационное сочинение, выполненное в рамках реализации госконтракта.

7. Основные результаты поисковой научно-исследовательской работы опубликованы в 2 научных статьях, посвященных проблемам изучения текстов зарубежной массовой литературы в аспекте восприятия в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ, со ссылкой на проведение поисковой научно-исследовательской работы в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы.

2. Аналитический отчет о проведении теоретических и экспериментальных исследований

Основной целью предпринятого исследовательского проекта была разработка современной методологической программы выявления количественных и качественных показателей, отражающих специфику рецепции российскими читателями текстов зарубежной массовой литературы. Для достижения этой цели была разработана программа исследований, включавшая в себя:

1. *Обзор и анализ достижений рецептивных исследований литературы*, прежде всего, немецкой рецептивной эстетики и работ, выполненных в духе ESL (Empirical Studies of Literature); проекцию полученной методологической матрицы на закономерности устройства текстов массовой литературы. Всё вместе это позволило выявить недостатки современной методологии рецептивных исследований в этой области, а также очертить то место в структуре современного гуманитарного знания, которое должна занять разрабатываемая методология.

2. Предварительное *социологическое изучение читательских предпочтений* современного массового читателя в России, выявление корреляций между читательскими привычками и социально-демографическими характеристиками различных читательских групп.

3. Разработку *теоретической модели рецепции текстов массовой литературы*, учитывающую социологические и психологические параметры чтения и включающую, среди прочего, такие параметры, как функции чтения, читательская

ситуация, стратегия чтения, модель чтения. Эта схема позволяет сформировать четкую, ясную программу качественного психолого-социологического исследования восприятия текста или какой-либо типологической группы текстов, построить модель чтения, исходя из индивидуальной читательской стратегии и типологических свойств самих произведений. При построении схемы учитывался предшествующий опыт построения типологий функций чтения, традиции функционального подхода в литературоведении, а также данные из области общей социальной психологии и психологии чтения.

4. Разработку *новой методологии* и, в некотором смысле, идеологии изучения текстов массовой литературы, которая получила название *функционально-рецептивного подхода*.

5. *Отработку данной теоретико-методологической базы* при анализе конкретного литературного материала и конкретных рецептивных ситуаций.

6. Разработку *учебных курсов*, связанных с массовой литературой и рецептивной эстетикой.

7. Подготовку *научно-технической документации* по результатам НИР, опубликование основных результатов в научной печати.

Первый этап НИР был связан с подготовкой *аналитического обзора литературы* по теме. Было выявлено, что для целей настоящего исследования решающее значение имеют три группы теорий. Во-первых, социология литературы, представленная в отечественной науке многочисленными докладами и отчетами по проблеме досугового поведения и библиотечного дела, а также маркетинга литературы, теоретическими исследованиями Б. Дубина, Н. Зоркой, Л. Гудкова и др. [Дубин 2004; Дубин, Зоркая 2008; Гудков, Дубин 1994 и др.]. Во-вторых, рецептивная эстетика в варианте, разрабатываемом Констанцской школой рецептивной эстетики (В. Изер, Г.-Р. Яусс), а также в семиотическом своем варианте (У. Эко, М. Риффатер), не слишком хорошо знакомых в нашей стране. В-третьих, почти неизвестные в отечественном литературоведении исследования, выполняемые в рамках программы Empirical Studies of Literature, особого направления reader response school, которое занимается разработкой эмпирических методов изучения литературы и того, что именуется «реакцией читателя». Работы исследователей, принадлежащих ESL, публикуются в журналах Poetics, SPIEL, Empirical Studies of Arts, а также в

тематических сборниках, среди наиболее значимых из них: [Ibsch, Schram & Steen (eds.) 1989; Rusch (ed.) 1995; Kreuz & MacNealy (eds.) 1996; Janssen & Van Dijk (eds.) 1998].

Немецкая рецептивная эстетика в исследовании массовой литературы предлагает опору на категории «горизонта ожидания читателя», «эстетической дистанции» и «эстетического опыта». Первая из них подразумевает систему читательских установок и представлений о произведении искусства, соответственно которой и осуществляется чтение конкретным читателем. Горизонт ожиданий читателя в свою очередь задается его эстетическим опытом и сложившимися у него критериями художественного вкуса. По Г.-Р. Яуссу, произведения массовой (в его терминологии, «потребительской», «кулинарной» литературы) не требуют от читателя выполнения интеллектуальной работы, предлагая ему тот эстетический опыт, в рамках которого «эстетическая дистанция» между горизонтом ожидания текста и горизонтом ожидания читателя отсутствует или является минимальной. Таким образом, с позиций рецептивной эстетики, рецепцию массовой литературы отличает высокая степень удовлетворенности читателя и отсутствие «принуждения» его к изменению своих эстетических установок со стороны текста.

Эмпирические данные позволяют взглянуть на легкость чтения массовой литературы с новых позиций.

Так, в ряде работ показано, что читатель массовой литературы часто испытывает чувство вины за то, что читает неканонические произведения и не читает произведения принадлежащие канону «высокой литературы». Как пишет Рэдуэй, изучающая психологию читательниц дамских романов, это «чувство вины является результатом собственного смущения читателей из-за того, что они потакают своему стремлению испытать этот, очевидно, приятный опыт» [Radway 1984, 106]. Однако является ли это чувство вины повсеместным? В работе [Nell 1988] возникновение этого чувства объясняется влиянием протестантской этики, которая «предполагает, что удовольствие следует заслужить, отчего отсутствие необходимости прикладывать усилия за чтением легкой литературы делает получаемое удовольствие сродни эйфории наркомана или оргазму при мастурбации» [Nell 1988, 32].

Гипотеза о влиянии установок протестантской этики предполагает, что это чувство вины будет возникать лишь у представителей тех культур, в которых укоренены соответствующие этические установки. Даная гипотеза может быть проверена путем интервьюирования российских потребителей массовой литературной продукции. В частности, нами была выдвинута контр-гипотеза о том, что возникновение этого чувства в большей мере связано с давлением культурного канона и неканоничностью литературного поведения читателя. Если это так, то при изучении реакции российских потребителей массовой литературы мы можем зарегистрировать возникновение схожей психосоциальной реакции (что будет однозначно свидетельствовать против версии о роли протестантской этики в механизме возникновения этого чувства); мы также предположили, что такая реакция будет в большей мере проявляться у групп читателей, находящихся под большим влиянием культурного канона (школьники, студенты, люди, вынужденные поддерживать определенный социальный и культурный статус, и т.п.), что также свидетельствовало бы о действии универсальных, а не культурно-специфических механизмов в возникновении такой реакции. Очевидно, что выявление этих механизмов является существенным для теории массовой литературы в целом. Уже на этапе обзора литературы стало понятно, что подобное исследование может помочь в обнаружении эмпирических критериев определения внутренних границ «поля литературы» (П. Бурдье) по шкале «массовое – элитарное»: в частности, возникновение и регистрация таких психосоциальных реакций у разных групп читателей в отношении отдельных произведений может служить эмпирическим основанием для определения положения этих произведений (и их авторов) на указанной шкале.

На первом этапе исследования мы пришли к выводу, что соединение эстетико-рецептивного и эмпирического подходов может дать интересные результаты в понимании того, как разные группы читателей оценивают свои собственные литературные пристрастия. В перспективе подобные исследования могут привести к построению нежанровой типологии массовой литературы в зависимости от психосоциальных функций, которые выполняет чтение таких текстов. На этом этапе также было высказано предположение, что философско-методологические основания этого или подобного исследования могут лежать в области феноменологической социологии (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман и др.) с опорой на базовые для нее

понятия «жизненного мира», «повседневного опыта», «знания» и т.д. В частности, именно таким образом подошел к описанию функций массовой литературы в повседневной жизни поляков Мачей Марыл в своих недавних работах [Maryl 2007, 2008]. В соответствии с традицией феноменологической социологии он рассматривает чтение массовой литературы как особый интенциональный акт, в котором «читатели достигают индивидуально определяемые цели и обогащают свои жизненные миры. Структура жизненного мира, определенная биографическая ситуация, обуславливает реакцию читателя. Цели, достигаемые в акте чтения, опыт, полученный в фикциональном мире [произведения], составляют часть их жизненного мира. Этот активный поиск информации и эмоций глубоко укоренен в их повседневном опыте» [Maryl 2008, 321].

Так, согласно Марылу, чтение массовой литературы включает в себя следующие мотивы:

а) поиск специфических эмоций (позитивных/негативных): чтение позволяет сменить эмоциональный фон обычного дня (читатели часто просят библиотекарей посоветовать им «что-нибудь трогательное», «забавное» и т.п.; ср. слова читателя: «Мне нужно снять напряжение. Знаете, мне все равно, глупое это произведение или нет, мне это просто необходимо»);

б) эмоциональная стимуляция: эта мотивация встречается у людей, работающих по ночам, выполняющих монотонную работу (ночные сиделки, сторожи и т.п.) и в силу этого нуждающихся в психо-эмоциональном возбуждении.

в) релаксация: обратная функция чтения связана с тем, что некоторыми читателями оно рассматривается как замена снотворного, что обуславливает выбор книги (ср.: «Лучше всего меня усыпляет эта монотонность, тупая монотонность»).

г) уход от реальности через выполнения компенсаторной деятельности: чтение увлекает читателя в тот мир, где он, идентифицируя себя с героем, может выполнять действия или испытывать те эмоции, которые в силу разных причин недоступны ему в реальности (т.е. когда он находится в состоянии «депривации»). Марыл различает временную или длительную депривацию. Временная депривация возможна, например, в общественном транспорте, когда человек в течение некоторого времени находится в статическом положении, в этом случае чтение является тем компенсаторным механизмом, который «загружает когнитивные ресурсы» пас-

сажир [Maryl 2008, 325]. В ситуации длительной депривации (пенсионер, отдыхающий, инвалид, любой человек длительное время лишенный тех форм общения, которые представляются ему нормальными и естественными) чтение служит субституту общей социальной активности, вводя читателя в мир чужих чувств и действий.

Несмотря на то, что эта типология, очевидно, не учитывает всех форм массовой литературы, равно как в принципе очень неоднозначно соотносится с категориями «массовости» и «элитарности», она все же показалась нам крайне ценным примером качественного психосоциального исследования мотивационного аспекта чтения. Она послужила источником вдохновения для построения нашей собственной модели рецепции массовой литературы. Так, уже на этапе обзора литературы стало понятно, что для улучшения модели Марыла следовало бы соотнести ее с жанрами массовой литературы, другими ее типологическими характеристиками (одной из таких важнейших характеристик является гомо- или гетерокультурный характер выбираемых читателем произведений), а также внешними импульсами мотивации (реклама, рекомендации знакомых, другие объективные причины выбора), благодаря чему расширились бы контекстуальные границы, т.е. границы «жизненного мира» читателя, релевантные для данного исследования.

Обзор литературы *позволил сформулировать методологию исследования*. В философско-методологическом плане исследование опирается на фундаментальные положения рецептивной эстетики в ее герменевтическом (Г.-Г. Гадамер) семиотическом (У. Эко), рецептивно-эстетическом (В. Изер, Г.-Р. Яусс, М. Риффатер, С. Фиш) и эмпирическом (Э. Ибш, В. Ван Пеер, Д. Шрам, Г. Штеен) вариантах. Герменевтический, рецептивно-эстетический и семиотический подходы предлагают теоретические («концептуальные» или «рациональные» по терминологии У. Марголина) модели чтения и восприятия литературы. Эмпирический подход предлагает широкий набор методов и исследовательских практик, направленных на опытное изучение процессов и механизмов восприятия художественного произведения.

Конкретная методологическая база исследования предполагает использование трех групп методов:

1. Количественные социологические методы: двухэтапное анкетирование (анкета с открытыми, закрытыми и шкалированными типами вопросов) – необходимы для получения предварительных объективных эмпирических данных.

2. Качественные эмпирические методы: интервью, наблюдение, case study – необходимы для глубинного изучения механизмов мотивации и рецепции.

3. Методы литературоведческого и лингвистического анализа текста (в том числе контент-анализ) – необходимы для качественной оценки произведений, определения их жанра, типа повествовательной ситуации, темы, анализа системы персонажей и проч.

Предварительное анкетирование читателей дало нам исходные данные о распределении литературных предпочтений в зависимости от социально-демографических групп читателей. В ходе анкетирования были опрошены 487 человек, из них 199 мужчин (40,86%) и 288 женщин (59,14%). Наибольшее количество респондентов – молодые люди в возрасте от 17 до 22 лет (178 чел., 36,55%), на втором месте – люди среднего возраста (53 и 83 чел., в общем 27,92%), на третьем месте – люди младше 17 лет (88 чел., 18,07%), на четвертом месте – молодежь (68 чел., 13,96%). Количество опрошенных респондентов старше 60 лет (16 чел., 3,29%) оказалось меньше 20, что лишает полученные для данной группы читателей результаты репрезентативности (тем не менее, там, где возрастное распределение не имеет значение, мы использовали эти данные для получения обобщенных сведений). Опрошены: 101 ученик школы (20,74%), 119 человек со средним образованием (24,44%), 53 человека со средним образованием (10,88%), 213 человек с высшим образованием (43,74%). Анкетирование охватило людей самых разных профессий: программисты, инженеры, техники, переводчики, юристы, механики, преподаватели, продавцы, психологи, воспитатели и т.д. В результате анкетирования были получены данные, позволившие затем строить самые разнообразные зависимости. *Наиболее общими и очевидными результатами стали следующие наблюдения:*

1. Мужчины читают меньше, чем женщины, и большинство не читающих – также мужчины. Частота чтения несколько снижается после окончания вуза и незначительно возрастает к старости.

2. Литературные предпочтения респондентов таковы: 16,63% предпочитают современную русскую литературу; 24,64% предпочитают зарубежную классику; 28,75% - современную зарубежную литературу; 30,80% - русскую классику. Половые различия никак не сказываются на предпочтениях: для каждой группы предпочтений количество мужчин и женщин оказалось примерно одинаковым; скольконибудь существенные различия выявлены только для зарубежной классики (женщины предпочитают ее чаще мужчин) и для современной русской литературы (ее чуть больше предпочитают мужчины). Интерес к современной зарубежной литературе с возрастом снижается: он максимален у школьников и минимален у пенсионеров.

3. Среди читателей, предпочитающих современную зарубежную литературу, преобладают школьники, студенты и люди с высшим образованием, доля людей со средним специальным образованием невелика. Также читателей современной зарубежной литературы преобладают люди с гуманитарным и творческим образованием, доля читателей, имеющих техническое или естественнонаучное образование меньше – эти данные резко контрастируют, например, с данными по современной русской литературе, которую чаще предпочитают «технари» и «естественники».

4. Особо отметим, что сравнительно большое количество опрошенных (28,54%) в качестве одной из причин выбора зарубежной литературы отмечают интерес к другой культуре. Интересно, что чаще эту причину называют женщины. Полученные данные показывают, что интерес к другой культуре как фактор выбора зарубежной литературы остается стабильным у трех возрастных категорий и резко снижается только в пенсионном возрасте.

5. Литературу о современной действительности чаще выбирают женщины, тогда как историческая и фантастическая литература в большей мере привлекает мужчин. Данные анкетирования показывают, что интерес к исторической прозе с возрастом увеличивается, а интерес к научно-фантастической литературе, напротив, сокращается, при этом колебание интереса к литературе о современности, хоть и фиксируется, остается все же гораздо менее существенным. 53,39% опрошенных предпочитают остросюжетную литературу. Философская и психологическая художественная литература привлекает 46,61% респондентов. В обеих группах наблюдается примерно равное соотношение мужчин и женщин.

6. Наиболее сложное распределение получено по предпоследнему вопросу, в котором респондентам предлагалось выбрать любимый жанр. Результаты представлены ниже в таблице.

Жанр	Общее количество упоминаний	Процентное отношение к общему числу респондентов
Иронический детектив	91	18,69
Психологический детектив	161	33,06
Остросюжетный детектив	144	29,57
Боевик	54	11,09
Эротический любовный роман	30	6,16
Любовный роман-мелодрама	91	18,69
Сентиментальный любовный роман	46	9,45
Литературная сказка	63	12,94
Фэнтези	132	27,10
Интеллектуальный роман	226	46,41

Таким образом, на первом месте по популярности интеллектуальный роман (46,41%), однако его лидерство иллюзорно, т.к. три разновидности детектива дают 81,32%, и именно детектив является подлинным лидером. Относительно данных ВЦИОМ, полученных в 2009 году, подтверждается низкая популярность боевиков (популярность этого жанра в России снизилась за последнее десятилетие в два раза), однако в ходе данного исследования получены более высокие цифры по жанру фэнтези (очевидно, предложенный список оказался недостаточно полным, и в категорию фэнтези попала научная фантастика). Интерес к боевику, сравнительно высокий в школьном возрасте, последовательно падает и в группе 45-60 лет составляет 1,2%. Интерес к детективу, максимально высокий у школьников, резко снижается в студенческие годы и затем постепенно растет. Любовный роман также наиболее популярен среди людей школьного возраста (совокупно 47,72%), а затем колеблется в районе 30%. Интеллектуальный роман привлекает около 34% школьников, однако у более старшей аудитории интерес к интеллектуальному роману держится на уровне 50%. Интерес к фэнтези и литературной сказке, напротив, с возрастом снижается.

Данное анкетирование позволило нам составить список наиболее популярных авторов, а также дать свои рекомендации по комплектованию библиотечных фондов. Кроме того, *полученная база данных активно использовалась на после-*

дующих этапах для проектирования эмпирических исследований в рамках НИР. Так, были получены интересные данные, использовавшиеся затем при изучении женской прозы. Кроме того, анализ анкет, а именно сопоставление жанровых предпочтений и фамилий авторов, продемонстрировал «растяжимость» понятия интеллектуальный роман: целый ряд из названных авторов, очевидно, относимых респондентами к числу создателей «интеллектуальных романов», таковыми, с точки зрения компетентного читателя, едва ли являются; это указывает на существование целого пласта массовой литературы, которая оказывается «суррогатом» интеллектуальной прозы, т.е. функциональное предназначение – создавать иллюзию «интеллектуального чтения». На двух последних этапах исследования мы специально изучали этот феномен.

Помимо этого, данное анкетирование имело большое методологическое значение, поскольку его проведение выявило острую необходимость в построении психосоциальной типологии литературы, т.е. такой типологии, которая бы отталкивалась не от структурно-тематических характеристик произведений, а от психосоциальных характеристик их «идеальных читателей». Становится очевидным, что принятое сегодня разделение литературы на «детскую» и «взрослую», «массовую» и «интеллектуальную», «мужскую» и «женскую» со всей очевидностью более не является удовлетворительным: детская, казалось бы, литературная сказка активно читается взрослыми; представление об «интеллектуальности» оказывается чрезвычайно субъективным (оно оказывается идеей, ярлыком, который читатель самостоятельно навешивает на предпочитаемый им текст; в самом же тексте, в его имманентном содержании и имманентной структуре нет ничего, что позволяло бы судить о его «интеллектуальности»); мужчины и женщины, в большинстве своем (56%) соглашаясь, что существует «мужская» и «женская» литература, читают как «мужскую», так и «женскую» (в этом смысле необходимо уточнить, что именно вкладывается в понятие «мужской» и «женской» литературы и почему мужчины и женщины, признающие это разграничение, все же продолжают читать «не свою» литературу). Все вместе это привело нас к выводу о необходимости функционального понимания роли литературы как одной из форм досуга, решающей определенные задачи, связанные с «эмоциональным переключением», «референциальным

переключением», связанные с имиджевыми требованиями, процессами «интер-нальной» и «экстернальной» социальной интеграции и проч.

В конечном итоге этот опыт позволил нам *сформулировать теоретические положения собственной модели рецепции текста массовой литературы, а также положения функционально-рецептивного подхода к изучению массовой прозы*. Новизна этого подхода определяется уязвимостью традиционной трактовки массовой литературы как чего-то противопоставляемого высокой литературе. В рамках этого традиционного подхода «массовое» определяется как «категория литературных произведений, относимых к маргинальной сфере общепризнанной литературы и отвергаемых как псевдолитература» [Baldick 1990, 160], т.е., говоря иначе, под «массовым» понимается то, что находится за границей литературного канона, каковой, в свою очередь, является отражением точки зрения определенной социальной группы. Дальнейшее развитие этой теории приводит к необходимости: а) очертить границы канона, что обычно вызывает известные трудности, т.к. границы эти легко проницаемы, даже если мы пытаемся начертить их с позиций лишь одной социально маркированной точки зрения (например, официальной идеологии); б) сформулировать причины, по которым данная социальная группа оценивает произведения так, а не иначе, и именно таким образом формирует канон (в свою очередь, это означает необходимость учитывать отношения данной группы с другими группами, в том числе теми, которые могут предлагать альтернативные точки зрения на то, каким должно быть «подлинное», т.е., в терминах Лотмана, «системное» искусство). Однако даже в этом случае в теоретической модели литературоведов и социологов «массовое» будет определяться *ex negativo* как нечто «маргинальное», «неканоническое», «несистемное» и т.п., а разница между «массовым» и «элитарным» будет выискиваться прежде всего в сфере эстетических оценок.

Теория массовой литературы просто не может возникнуть на этом фундаменте. Стало очевидным, что необходимо переориентировать ее, показав *позитивную содержательность массовой литературы, которая может быть описана в терминах функционализма как набор социальных и психологических функций, выполняемых такого рода литературой*. В конечном счете это позволяет по-новому проводить границу между «массовым» и «элитарным»: массовость и элитарность следует понимать не как имманентные характеристики текстов, но как

характеристики, возникающие из способности текста выполнять те или иные функции в конкретной ситуации чтения.

Разработанный нами подход мы назвали *функционально-рецептивным*, поскольку, с одной стороны, он ориентирован на понимание особой позитивной функциональности массовой литературы в «жизненном мире» читателя, а с другой, предполагает, что реализация данных функций возможна лишь тогда, когда читатель, изнутри своего «жизненного мира», готов (или сознательно стремится) принять то или иное литературное произведение как выполняющее данную функцию. Другими словами, существует прямая зависимость между способностью произведения выполнить соответствующую функцию и готовностью к этому читателя. Последний приступает к чтению, имея определенный набор установок, читательских диспозиций, которые в герменевтической традиции именуются «горизонтом ожидания» читателя. Таким образом, реализация функциональности произведения возможна только при соблюдении определенных условий рецепции текста. Также и степень удовлетворенности читателя (потребителя) данным произведением (литературным продуктом) зависит от того, насколько данный текст будет успешен в выполнении той или иной потребной функции.

В обобщенном виде функционально-рецептивная модель (теория массовой литературы и методология ее изучения) будет представлена в следующей главе настоящего отчета. В ходе НИР она была опробована на материале нескольких групп текстов, для изучения которых активно использовались как количественные (анкетирование), так и качественные социологические методы (интервью, case-study). Разными группами исследователей, работавшими над выполнением НИР, анализировался разный материал. Всего таких *больших исследований в рамках темы НИР было проведено два*:

1. *Изучение женской прозы*, в котором актуализирован архетипический сюжет о Золушке. В частности, разработанная модель позволила дать функциональную интерпретацию жанрового имени «дамский роман», объединяющую как канонические произведения XIX века, так и современную массовую беллетристику, а также показать, как реализуется «функциональное задание» в рецепции этой группы текстов. Было проведено двухэтапное эмпирическое исследование, включавшее как анкетирование, так и последующее интервьюирование респондентов. В резуль-

тате было показано, что современные «романы о Золушке» выполняют важную функцию в жизненном мире своих читательниц. Эту функцию можно обозначить как ценностно-ориентирующую. В нашей типологии «соматических» функций массовой литературы она связана как с функциями групповой идентичности, так и с функциями трансцендентной идентичности, причем зависимость этих двух групп в данном случае принципиально важна. Идеальный сюжет о достижении социальной и эмоциональной гармонии, внешне построенный как сюжет о закономерных изменениях, ставших результатом собственных усилий женщины, и являющийся основой трансцендентной идентичности («Я – Золушка»), становится реальным, то есть приобретает черты потенциально возможного в реальной жизни сценария, благодаря его массовости, иначе говоря, благодаря массовому потреблению этого сюжета (трансгрупповая идентичность посредством акта потребления). На первом уровне устанавливается идентичность читательницы и героини, на втором уровне устанавливается идентичность между сюжетом книги и сюжетом потребления этого литературного сюжета. Для того чтобы стать реальностью, иллюзия должна быть массовой. Единичный акт потребления недостаточен для того, чтобы реализовывалась функция трансцендентной идентичности. Стремление быть Золушкой (и вытекающий отсюда специфический «горизонт ожидания» читательницы) является производным от массовой распространенности этого стремления. В этом смысле описанное стремление – это также и желание быть обычной женщиной, то есть одной из тех тысяч женщин, которые хотели бы быть Золушкой.

Массовая культура (а этот сюжет присутствует не только в литературных текстах, но и в фильмах, телевизионных программах, журнальных и газетных публикациях), подобно древней мифологии, нивелирует границу между вымыслом и реальностью, причем явлением, упраздняющим эту границу, становится массовое потребление культурного контента, посредством которого иллюзия превращается в разделяемую миллионами людей картину мира. В этом контексте стремление читать однотипные истории можно интерпретировать как стремление к постоянному подтверждению реальности конструируемой литературным сюжетом картины мира, что, по всей видимости, также является важной функцией массовой литературы, связанной с другими «соматическим» функциями.

2. *Изучение «интеллектуальной прозы».* Выше мы отмечали неоднозначность понятия «интеллектуальная проза», связанного с различным пониманием «интеллектуальности». В рамках исследования была предложена феноменологическая интерпретация этого понятия как термина «обыденного языка» читателя (термин А. Щюца). Иначе говоря, в ходе разработки изложенной выше методологии оказалось возможным не искать имманентные критерии для выделения соответствующего класса литературных произведений, но свести этот вопрос к исследованию значения соответствующего термина обыденного языка. Проводилось двухэтапное эмпирическое исследование. Первый этап – анкетирование (N = 120), позволяющее установить корреляции в предпочтениях и выявить наиболее частотные характеристики «интеллектуальной прозы», называемые респондентами (анкета сдержала «вопросы-фильтры», позволяющие «отбраковывать» респондентов, для которых дихотомия «интеллектуальная проза – неинтеллектуальная проза» оказывалось иррелевантным). Второй этап – свободное интервью (N = 12), в ходе которого выявлялись стратегии чтения литературы, определяемой респондентами как «интеллектуальная», способы включения такого чтения в «жизненный мир» читателя. Полученные в ходе интервью ответы позволяют реконструировать две обобщенные модели чтения «интеллектуальной» литературы, вполне вероятно, соответствующие двум практическим установкам в отношении «интеллектуальной» работы и «интеллектуального» досуга.

Первая модель (назовем ее «эмансипированной») предполагает чтение «некомфортное», несущее психологические риски утраты самоидентичности. Рецепция литературного произведения описывается как внутренняя работа, связанная с необходимостью «переработки» текста и, возможно, последующей трансформацией собственных установок в отношении мира и себя. В этом случае при описании признаков текстов упор делается на семантический «герметизм» произведения, его сложную формальную организацию, интертекстуальность. Респонденты, реализующие эту модель чтения, при определении «интеллектуальной» литературы стремятся описывать психологические эффекты чтения, понимая «массовую» литературу как литературу, не имеющую подобных эффектов. В социально-психологическом смысле такая стратегия связана с ориентацией на субъективацию дихотомии «интеллектуальное – массовое»: отнесение текста к тому или иному

классу происходит в зависимости от его индивидуального воздействия на читателя. В то же время, такая позиция в некотором смысле невротична: заявляя ее, субъект прежде всего стремится продемонстрировать – себе и другим – собственную независимость от мнения большинства. Интеллектуальное чтение является здесь, в определенном смысле, актом самоутверждения, самоконституирования. Даже если оно потенциально и предполагает те или иные внутренние трансформации, сама возможность этих трансформаций под воздействием литературного текста (а возможность эта немыслима без внутренней готовности к таким трансформациям) воспринимается этими респондентами как результат подлинной интеллектуальной работы. Обратим внимание и на то, что для таких респондентов, в целом, не очень характерна фиксация на эстетическом качестве произведения, существеннее те смыслы, которые они извлекают из текста (оправданно или нет – не имеет значения). Естественно ожидать от таких читателей повышенную психо-эмоциональную восприимчивость к чтению, а также ориентацию на поддержку «эмансипированной» стратегии чтения определенным типом поведения, в т.ч. не связанного с чтением (общение, социальные контакты, участие в групповых видах деятельности, степень эмоциональной интеграции в группе и проч.).

Вторая модель (условно назовем ее «конформной») предполагает, что чтение даже интеллектуальной литературы является «комфортным», «приятным» занятием, в целом не предполагающим внутренних трансформаций. Такое чтение неутилитарно, ничему не учит и никак не меняет субъекта, «интеллектуальность» же определяет своего рода игровой характер познавательного интереса к чтению: для такой установки характерно своего рода «соперничество» с автором, стремление еще в самом начале чтения предугадать замысел («мораль»), знание повествовательных шаблонов, понимание логики построения действия. Произведение тем «интеллектуальнее», чем оно более неожиданно или чем меньше оно подчинено правилам игры («классика»), которые в той или иной мере все равно известны читателю. Такая модель чтения коррелирует с установкой на объективацию дихотомии «массовое – интеллектуальное», а также с умением определять массовое (код, правила игры; «интеллектуальное» же определяется *ex negativo*). При этом в оценках такие респонденты чаще опираются на жанровые характеристики произведений, репутацию писателя, т.е., в сущности, транслируют групповую оценку. Вместо установки

на психологизацию и индивидуализацию «общения» с книгой, демонстрирующую независимость оценок, здесь мы имеем дело с комформностью оценки, вытекающей из «вводных данных» (имя автора, жанр, стороннее мнение и проч.), заранее определяющих возможность или невозможность такого «игрового» чтения. Естественно ожидать от таких читателей активный обмен мнениями, участие в различных читательских сообществах, а также установку на априорное дистанцирование от любой попытки текста воздействовать на читателя (поучительность, навязывание определенной модели мира, человека и проч.): такой читатель, так сказать, «толстокож» и в общем случае не стремится рассматривать литературное произведение как предписание или источник внутренних преобразований.

Эти две модели чтения, разумеется, являются лишь крайними точками шкалы, большинство читателей, скорее всего, занимают то или иное промежуточное положение. Однако эту поляризацию, как нам представляется, полезно учитывать при изучении этоса чтения.

Кроме изучения женского романа и интеллектуальной прозы, участниками исследовательского проекта проводились и *другие эмпирические микроисследования*, связанные с изучением рецептивных моделей актуальных для различных групп чтения, а также обоснованием самого понятия «модель чтения», используемого в рамках разработанного функционально-рецептивного подхода.

3. Отчет по обобщению и оценке результатов исследований

3.1. Модели, методы, программы и алгоритмы, позволяющие увеличить объем знаний для более глубокого понимания изучаемого предмета исследования новых явлений, механизмов или закономерностей

Главным достижением настоящего исследовательского проекта стала *разработка функционально-рецептивного подхода к изучению текстов массовой литературы*. Данный подход базируется на двух научных положениях:

1. Положение о функциональной природе чтения.
2. Положение об интертекстуальной природе жанра и, прежде всего, клишированных жанров массовой литературы.

Первое положение опирается на длительную научную традицию, ориентированную на понимание функционального содержания чтения. В рамках данной тра-

диции предлагались, в частности, разнообразные типологии функций литературы и функций чтения. При этом функции литературы и функции чтения не совпадают. Под функциями литературы традиционно понимаются функции литературы как культурной институции. Под функциями чтения следует понимать функции акта чтения в «жизненном мире» читателя.

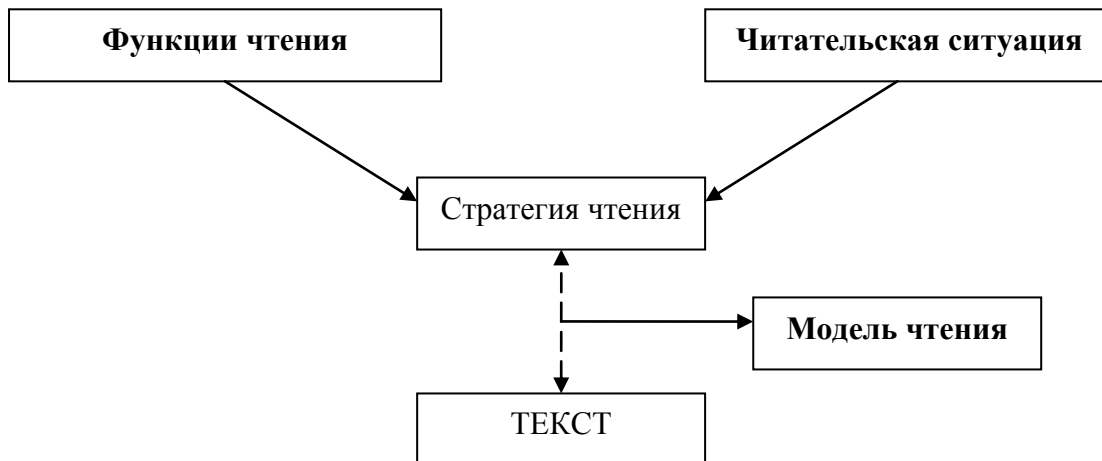
Второе положение опирается на те концепции жанра, в которых он трактуется как «результат интертекстуальных и метатекстуальных процедур, заключенных в письмо и чтении» [Juvan 2005, 7]. Некоторые исследователи вообще видят глубинную близость феноменов жанра и интертекстуальности как таковых. Например, Х. Голд отмечает ряд их сходств: двойная сущность жанра как программы и текста; практическая невозможность разграничения между общими кодами и их реализацией в отдельных текстах; важность жанровых сигналов для интерпретационной деятельности читателя [Gold, 81].

Согласно разработанному алгоритму исследования, для психологосоциологического описания рецептивного акта необходим учет нескольких факторов, составляющих важнейшие компоненты теоретической схемы восприятия текста массовой литературы. Во-первых, необходимо учитывать *функции массовой литературы* – это закрытый и относительно универсальный список, отражающий те функции, которые массовая литература в принципе может реализовывать в «жизненном мире» читателя. Во-вторых, это *читательская ситуация* – тот есть описанная по конкретным параметрам ситуация чтения, включающая в себя как стабильные характеристики читателя, так и вариативные характеристики той непосредственной ситуации, в которой осуществляется чтение. Наложение читательской ситуации на функциональную специфику массовой литературы позволяет формулировать то, что мы называем *читательской стратегией*. Под читательской стратегией здесь и далее мы понимаем тот специфический набор функций массовой литературы, который преимущественно реализуется в данном конкретном акте чтения. Иначе говоря, стратегия чтения – это то, какие функции реализует чтение данного конкретного произведения в данной конкретной ситуации. При этом в реальной практике анализа исследователь также может иметь дело с *типичной стратегией*, то есть с регулярным образом реализуемой стратегией, при которой реали-

зуется типичный для определенного психосоциального типа читателя и для какой-либо типичной ситуации чтения набор функций.

Несомненно, следует иметь в виду, что реализация или нереализация той или иной стратегии чтения в немалой степени зависит от читаемого текста, а точнее от того, в какой степени данный текст позволяет реализовывать данную стратегию чтения. Исследование столкновения читателя с текстом позволяет обнаруживать в тексте те его элементы, которые позволяют реализовывать требуемые функции, и те, которые не способствуют их реализации. Исходя из этого, исследователь может построить *модель чтения*, устанавливающую зависимость между ситуацией чтения и имманентными/контекстными характеристиками данного текста. Модель чтения является сложным понятием. Описать модель чтения означает вписать данный текст в жизненный мир читателя, установить корреляцию между структурными признаками текста (тематика, тип сюжета, стиль, характеристики героя и т.д.) и ситуацией чтения (психотип читателя, сеть его социальных коммуникаций, конкретная ситуация чтения и т.п.).

Графически описанную схему можно представить следующим образом:

Функции чтения. На основе сопоставления существующих классификаций [Ханин 1979; Левина 2001; Соколов 2002; Фрумкин 2008; Стефановская 2009; Спиридонов 2011], а также с учетом специфики массовой литературы, было выявлено четыре основных блока функций.

(1) *Развлекательные функции* — в данном случае трактуются не только в отношении юмористической литературы и восприятия комического, но шире — как обусловленные самим характером массовых жанров (в частности, такими их об-

щими чертами как увлекательность, идеалистичность, однозначность). Применительно к нашему объекту, они реализуются в возможности для читателя абстрагироваться от бытовых проблем и реалий повседневной жизни. В качестве подвидов, данный блок включает в себя:

(а) гедонистическую функцию — в том случае, если речь идет об устойчивом предпочтении индивидом того или иного жанра или автора массовой литературы, поскольку именно он оптимально удовлетворяет его читательским запросам и вкусам, тем самым, доставляя наслаждение в процессе чтения.

(б) эскапистскую функцию — проявляющуюся в способности произведений массовой литературы замещать действительность. В частности в том, что читатель, вовлекаясь в сюжетное действие, получает возможность ставить себя на место героев, тем самым «отключаясь» от реальности. Так, например, за счет чтения триллеров, приключенческой литературы и литературы ужасов, у фрустрированного современного человека восполняется недостаток приключений, интриг, ярких эмоций в реальности. За счет любовных романов компенсируется отсутствие идеальной любви, романтики и т.д.

(2) *Коммуникативные функции* — связаны с пониманием чтения массовой литературы как особой социальной практики. В рамках реализации данной функции читательское предпочтение того или иного типа текстов может быть основой для отождествления себя с некоторой референтной группой (конформности) и/или, наоборот, выделения из непосредственного социального окружения. Данный блок может быть подразделен на:

(а) престижную функцию — проявляющуюся в ситуации, когда собственная значимость текста отходит на второй план, а знакомство с ним или обладание им служит свидетельством причастности читателя к ценностям определенного круга людей.

(б) ценностно-ориентировочную функцию — связанную с моделированием мировоззрения, жизненных целей и потребностей, а также формированием особой иерархии ценностей под воздействием текстов массовой литературы, что впоследствии влияет на социальные проявления читателей. Так, чтение любовных романов и проецирование идеальных ситуаций на реальные отношения, может стать причиной завышенных требований по отношению к партнерам в жизни.

(3) *Познавательные функции* — предполагают обращение к чтению текстов массовой литературы с целью получения каких-либо новых знаний (относительно другой культуры, других социальных условий, психологии личности и отношений, житейской философии и т.д.) Необходимо также отметить, что для реализации данной функции большую роль играет простота и доступность изложения, характерная для массовых жанров, что положительно сказывается на усвоении читателем, пусть и в упрощенном виде, во многом полезной информации. К примеру, культурологические романы Дэна Брауна «адаптировали» для массового читателя легенду о Святом Граале и историю тайных обществ средневековой Европы.

(4) *Психосоматические функции* — проявляются в том, что чтение массовой литературы способствует релаксации, восстановлению сил, несут рекреативную нагрузку, таким образом, благоприятно воздействуя на физическое состояние читателей. Примером действия этих функций может стать то, что, по свидетельству многих наших респондентов, чтение остросюжетной литературы помогает снять стресс от выполнения рутинной работы и, кроме того, восполнить недостаток адреналина за счет погружения во внутренний мир текста и без риска для собственной жизни. Психосоматические функции составляют специфический именно для массовой литературы функциональный признак. В западном обществе Нового времени т.н. «элитарная» культура призвана заботиться о духовности человека, говоря другим словами – о жизни его сознания. В этом контексте «элитарная» литература – это та, которая нацелена на формирование мыслей и чувств, т.е. определенных ценностных установок, ориентирующих мышление и эмоциональные реакции субъекта. Эти ценностные установки могут быть конформными или революционными – это в данном случае несущественно. Существенно то, что их формирование осуществляется в акте чтения как бы без участия тела: действительно, в идеальном, прототипическом случае «духовного», «высокого» акта чтения текст как продукт культуры непосредственно воздействует на сознание, последнее интериоризирует содержание произведения в виде набора оценок и разного рода регулятивов, которые должны ориентировать прежде всего духовное и интеллектуальное существование субъекта, становиться частью его духовного и интеллектуального опыта. Прагматика «элитарного» письма игнорирует, как бы выносит за скобки психоэмоциональное состояние читателя, время и обстоятельства чтения, по своему содер-

жанию и культурной функции «элитарное» произведение выше сиюминутных обстоятельств чтения и всех потребностей субъекта, выходящих за границы «духовного» и «интеллектуального». С точки зрения «высокой» культуры сказать о произведении Кафки или Джойса, что оно «скучное», нельзя: эта характеристика абсурдна, принципиально неприменима к подобного рода сочинениям, ибо не соответствует их прагматике и идеальной для них ситуации «интеллектуального» чтения. Отталкиваясь от этих соображений, можно сформулировать своеобразие акта чтения паралитературы, которое видится нам в том, что чтение массового текста затрагивает не только и не столько сознание субъекта, сколько его тело: чтение такого произведения снимает стресс, отвлекает, развлекает, возбуждает, усыпляет и т.п. Иначе говоря, произведение массовой литературы как бы преодолевает ханжеский солипсизм «высокой» культуры, встраивается в реальность телесного существования человека, которому свойственно не только мыслить и чувствовать, но и спать, есть, ходить на работу, заниматься любовью, проводить много времени в общественном транспорте и проч. «Чтение перед сном» или «дорожное чтение», — понятия, не применимые к «высокой» литературе, отражают ту функцию, которую играет книга в телесном опыте читателя, в структуре его повседневного существования.

Читательская ситуация. Под термином «читательская ситуация» мы понимаем совокупность постоянных (статических) и изменяемых (вариативных) условий и личностных характеристик, определяющих особенности читательского восприятия в конкретном индивидуальном акте чтения.

В категорию статических компонентов, определяемых нами объективно, включаются:

(а) социально-демографические характеристики читателя, такие как пол; возраст; род деятельности (профессия); уровень достатка; образование.

(б) психологические характеристики читателя, такие как: темперамент (сангвинический, холерический, меланхолический, флегматический); индивидуальный психотип (в нашем случае, определяемый в рамках «трёхфакторной модели личности» Г. Ю. Айзенка)

В категорию вариативных компонентов, определяемых самими читателями-респондентами, входят локальные условия, определяющие конкретную ситуацию чтения:

- место чтения (в домашней обстановке, в транспорте, на работе и т.д.)
- время чтения (перед сном, во время перерыва, во время учебных занятий и т.д.)
- цель чтения (для успокоения, получения новой информации, последующего обсуждения и т.д.)

Модель чтения. Как уже отмечалось, модель чтения – сложная категория, отражающая корреляцию между структурными признаками текста (тематика, тип сюжета, стиль, характеристики героя и т.д.) и ситуацией чтения (психотип читателя, сеть его социальных коммуникаций, конкретная ситуация чтения и т.п.). Следовательно, модель в каждом отдельном случае должна описываться индивидуально.

Данная схема была опробована в рамках двух микро-исследований, проведенных методом case-study, в ходе которых исследовались две группы читателей с близкими социально-демографическими характеристиками и читательскими предпочтениями. Для каждой группы читателей было выявлено по две модели чтения, соответствующие выявленным стратегиям чтения.

Типичность моделей чтения детерминирована двумя факторами. Первый – типичность психосоциальных условий чтения, определяющих литературные предпочтения. Второй – типичность самих текстов массовой литературы, их клишированность. В этой связи при изучении акта рецепции необходимо не только четко определять статус читателя, но и понимать специфику читаемого текста. Последняя нас интересует лишь в той мере, в какой в данном тексте актуализируется типичное его содержание. В свою очередь степень типичности содержания и оформления литературного материала напрямую зависят от читательского опыта и от тех механизмов, которые в современной науке принято именовать термином «интертекстуальность». Интертекстуальность является опорой «памяти жанра», а значит и его рецептивной маркированности.

Жанры массовой литературы обладают еще более «крепкой» памятью, чем жанры литературы элитарной. В силу своего консервативного характера, произведения массовой литературы воспроизводят из раза в раз одни и те же сюжетные си-

туации, принципы построения системы персонажей, композиционные особенности, и т.д. Несомненная тенденция к клишированию позволила Дж. Кавелти говорить о формульности произведений массовой литературы.

Произведения массовой литературы – это именно «произведения», в бартовском смысле, т.е. «высказывание, предназначенное для коммуникации». Успех коммуникации достигается за счет интертекстуальности, которая в массовой литературе имеет как нигде интенциональный характер. Именно за счет интертекстуальных связей автор произведения массовой литературы конструирует значение и задает читательскую рецепцию.

У читателя, «приученного» традицией к определенным жанровым формулам, формируется определенный горизонт ожидания. У читателя массовой литературы одним из основных компонентов этого горизонта будет именно его читательский опыт, его знание определенных характеристик того или иного жанра. Следовательно, он будет ожидать либо обнаружения этих свойств в выбранном им тексте, либо незначительного отклонения от них. В любом случае, его оценка данного текста будет зависеть от совпадения/несовпадения его исходных ожиданий и результатов чтения.

Особенно это характерно для читателей, доминирующей функцией чтения которых является функция гедонистическая. Являясь поклонниками того или иного формульного жанра, они прекрасно осведомлены о его возможных модификациях, и поэтому каждое прочитываемое ими произведение данного жанра выдерживает сравнение с произведениями, входящими в личный «пантеон» лучших его образцов. Особенно характерно для них внимание к мелким деталям – как правило, помимо дилетантских рассуждений о чисто литературных достоинствах («Сюжет провисает», и т.д.), такие читатели часто выражают негодование по поводу пренебрежения традицией тем или иным автором, либо – напротив – особенную радость, связанную с «правильным» воссозданием жанровых признаков. Не меньшую роль в получении удовольствия от текста у читателей данного типа играет «радость узнавания» как общих характеристик, так и частных деталей, заимствованных из «уже-написанного», «уже-читанного».

Таким образом, интертекстуальный элемент играет важную роль в рецепции произведения массовой литературы читателями, читательская стратегия которых

базируется на развлекательной функции чтения и такого ее подвида, как функция гедонистическая.

Следовательно, интертекстуальный анализ может быть полезен при характеристике читательской стратегии и модели чтения того или иного чтения в том плане, что опознание читателем тех или иных канонических примет жанра, отслеживание тех или иных аллюзий будет говорить о повышенной роли гедонистической функции его чтения.

Для косвенного доказательства роли гедонистической функции в читательской стратегии того или иного читателя исследователем может производиться обнаружение и анализ интертекстуальных связей и отношения к жанровой традиции данного произведения. В том случае, если читатель «считывает» заложенные в тексте аллюзии, отсылающие к произведениям данного жанра, и видит отклонения и совпадения с жанровой формулой, это означает, что гедонистическая функция играет значительную роль в его читательском опыте и во многом конституирует модель читательского взаимодействия с текстом.

Данная методология была опробована в рамках двух эмпирических микроисследований, выполненных в технике case-study.

Исследование 1. По данным первого этапа исследования, среди любителей фэнтези преобладают молодые мужчины, при этом корреляции по профессии и профилю образования для данного предпочтения несущественны. Тем не менее в ходе работы нами было замечено, что некоторые разновидности фэнтези, тяготеющие к жанру иронической научной фантастики, востребованы среди специалистов технического профиля. В ходе второго этапа социометрических исследований нами было проведено углубленное изучение пяти «читательских случаев». Эти пять кейсов отбирались по двум параметрам: близость социально-демографических характеристик читателей и общность литературных предпочтений. В нашем случае изучались 5 молодых мужчин в возрасте 30-34 года, имеющих высшее техническое образование, работающих в сфере ИТ (программист, системный администратор), назвавших среди своих литературных предпочтений произведения Дугласа Адамса из цикла «Автостопом по Галактике».

Цикл романов Адамса может быть отнесен к юмористической научной фантастике. Главный герой цикла Артур Дент чудом выживает после уничтожения

земли пришельцами (бюрократами-вогонами). Вместе со своим другом Фордом Префектом, оказавшимся уроженцем маленькой планеты, работающим в редакции «Путеводителя для автостопщиков» и путешествующим по Галактике, они оказываются на борту космического корабля президента Галактики беззаботный Зафод Библброкс, где вместе с ними путешествуют депрессивный робот Марвин и Триша МакМиллан, бывшая знакомая Артура. Вместе они ищут Магратея, чтобы узнать вопрос, подходящий к Окончательному Ответу. Во время этого путешествия герои попадают в многочисленные приключения, знакомятся с различными инопланетными расами и культурами. По своему замыслу романы Адамса близки «Путешествию Гулливера» Свифта, показавшего функционирование фантастических культур и обществ, в которых, словно в увеличительном стекле, проступают доведенные до абсурда черты современной ему западной культуры. Подобно шедевру Свифта, в данном случае речь идет об одном из вариантов авантюрно-философского романа, в котором герою предстоит узнать себя и свою культуру в прекрасных и отвратительных культурах других планет. Отличие заключается в иронической направленности повествования и научно-фантастическом антураже действия.

Наше исследование предполагало два этапа. Первый – психологическое тестирование, позволяющее выявлять основные особенности личностей респондентов. Для этого мы использовали личностный опросник Г. Айзенка в адаптации А. Г. Шмелева, позволяющего выявлять комбинации высокого и низкого уровня интроверсии и экстраверсии с высоким или низким уровнем стабильности и нейротизма. Второй этап – опрос относительно места и времени чтения романов Адамса, а также целей чтения, изучение образа жизни и круга общения респондентов, определение типичных функций чтения данной разновидности литературы в их повседневной жизни, составляющих *стратегию чтения*.

В данном случае опросник Айзенка дал следующие результаты:

Респонденты А, Б, В (одинаковые данные): норма человеческой лжи (высокий уровень доверия к ответам), интроверт, эмоционально-устойчивый (стабильный) тип, флегматик.

Респонденты Г, Д (одинаковые данные): норма человеческой лжи (высокий уровень доверия к ответам), экстраверт, эмоционально-устойчивый (стабильный) тип, холерик.

При этом следует учитывать специфику профессиональной деятельности респондентов. С одной стороны, всем опрошенным свойственно увлеченное отношение к своим профессиональным обязанностям, искренний интерес к работе, с другой стороны, необходимо отметить, что это сидячая работа за компьютером, связанная с решением логических задач, не предполагающая общения, физической активности (поездки, переговоры и проч.). Такой режим больше подходит флегматику-интроверту, нежели человеку холерического темперамента (по этой причине респонденты Г и Д отмечали, что их работа действует на них угнетающе, подталкивая выбирать такое хобби и такое общение, которые бы позволили компенсировать недостатки профессии; респонденты А, Б, В не предъявляли подобных жалоб).

На вопросы о месте и времени чтения типичные ответы респондентов: «дома после работы», «в транспорте», «читаю с “наладонника” по дороге на работу», «на досуге» (существенных отклонений по данному параметру не выявлено).

На вопрос о целях чтения респонденты давали следующие варианты ответов: «просто для себя... мне нравится предугадывать ход событий» (респондент А); «мне вообще нравится такая литература, люблю, когда описывают фантастические миры – в деталях, со всеми подробностями... читаешь такую книгу – и переключаешься» (респондент В); «отвлечься и посмеяться, читаешь – мозги отдыхают» (респондент Б); «читаю чисто за компанию, друг посоветует, мол, давай осилим, многим нравится, я беру, читаю, в принципе, у нас вкусы совпадают» (респондент Г); «мы выбираем с ребятами на работе книжку, читаем, а потом обсуждаем, кому что понравилось, вставляем цитаты, называем друг друга именами героев, типа начальство у нас – вогоны, Паша-системщик – Мартин и т.д. Игра такая. Там ведь для каждого человека можно найти соответствие. Ну и вообще прикольно, что там вроде фантастика сплошная, а так на наш мир похоже – приятно узнавать знакомое в незнакомом» (респондент Д).

Анализ ответов респондентов позволяет сделать вывод о том, что в данном случае на лицо две стратегии чтения. Первая стратегия характерна для экстравертов, доминирующая функция здесь – престижная (чтение как условие социального

взаимодействия, включенности в игру на работе, обсуждения и проч. виды деятельности, служащие установлению профессионально-групповой идентичности). Вторая стратегия типична для интровертов и базируется на гедонистической и эскапистской функциях чтения (устойчивое пристрастие к данному виду литературы, чтение как отвлечение, участие в построении иного мира). При этом для обеих стратегий существенна психосоматическая функция (релаксация, снятие физической и умственной нагрузки, компенсация сидячей однообразной работы), также для реализации обеих стратегий, в сущности, иррелевантны внешние условия (место и время) чтения.

Построение модели чтения предполагает выбор тех компонентов тематической и формальной структуры текста, которые способствуют реализации указанных функций. В нашем случае наиболее существенными компонентами будут следующие:

- Фантастический антураж сюжета позволяет создавать необычные, красочные миры, ставить героя в абсурдные, невозможные в «реалистическом» художественном мире ситуации, максимально разнообразить сюжетное действие. Фантастичность и фантазийность сюжета существенны для реализации соматической функции (чтение как компенсаторный механизм, обеспечивающий бегство от монотонности, физической ограниченности повседневного существования).

- Юмористический характер повествования способствует снятию стресса, сатирическому самоузнаванию, которое вместе с тем способствует установлению высокой степени идентификации читателя и героя (молодого человека, журналиста по профессии, вынужденного, среди прочего, решать логические головоломки, которые подкидывает ему нарушающая все законы логики фантастическая неземная реальность); юмор в повествовании сопряжен с иронической интеллектуальной игрой, которую сможет оценить прежде всего образованный человек, что наряду с идентификацией себя с единственным выжившим землянином, создает ощущение собственной уникальности и даже некоторого интеллектуального превосходства (предполагается, что читатель все же понимает внутреннюю логику игры в нелогичность, которую ведет с ним автор).

- Авантюрный тип сюжета построен по принципу кумуляции, где каждый новый виток сюжета сопряжен с необходимостью решения какой-либо задачи, ко-

торая неизменно решается благополучно, приводя героя к положительному финалу. Все квази-трагические ситуации в повествовании подаются иронически как заведомо недраматические (в этих фантастических мирах главному герою, несмотря на многочисленные опасности и постоянную неизвестность, ничего принципиально не угрожает, ведь это не только книга про автора путеводителя по галактике, но и сам путеводитель, цель которого – пробудить интерес даже к странному и опасному, но никак не отвернуть от него читателя). При общей установке на моделирование стресса общая «благостность» повествования и фактическое отсутствие необходимости драматических переживаний при чтении способствуют релаксации читателя.

- **Философская тематика:** роман поднимает «вечные» вопросы о природе человеческих отношений, об устройстве общества, о смысле жизни, но в сатирическом ключе, что в известной степени «снижает» их пафос, делает ответы на них общедоступными либо, как в случае с ответом на вопрос о смысле жизни, общенедоступными (в романе все разумные расы Галактики семь с половиной миллионов лет ждут, когда специально созданный для этой цели компьютер под названием Deep Thought («Глубокая мысль») даст ответ на «основной вопрос жизни, вселенной и всего такого», ответ, который дает компьютер – «42»; после оглашения своего ответа суперкомпьютер говорит: «Мне кажется, если уж быть с вами абсолютно честным, вы сами не знали, в чем был вопрос»). Бессмысленность и абсурдность многих «философских» вопросов косвенным образом легитимирует сам акт чтения подобного произведения, которое словно бы настолько умно, что может позволить себе быть неинтеллектуальным, развлекательным (так, по сюжету компьютер предлагает построить еще один более совершенный компьютер, включающий в себя в качестве своих компонентов думающих существ, которые бы помогли узнать, в чем состоит «основной вопрос», этим компьютером и стала Земля, которая была уничтожена за несколько минут до того, как должен был быть сформулирован основной вопрос, вогонками, поскольку планета мешала прокладке гиперпространственного шоссе; в последующих книгах мы узнаем, что вогонки были наняты консорциумом философов и психиатров, которые опасались, что если основной вопрос будет сформулирован, они просто останутся без работы).

- Серийность повествования. Изначально писавшийся как трилогия, роман вышел в пяти книгах и традиционно называется «трилогией в пяти частях». При этом повествование состоит из сюжетов, обладающих высокой степенью автономности, что позволяет читать романы не в хронологическом порядке.

Сообразно стратегиям, можно выделить две модели чтения:

1. Первая модель свойственна респондентам-флегматикам, при этом модель чтения можно охарактеризовать следующим набором специфических признаков: считывание сюжета как расслабляющей игры ума, при которой отдельные сюжетные ходы воспринимаются как варианты логической головоломки, парадоксальность которой является проявлением своего рода неизбежной алогичности любой сильной логической системы; установка на релаксационное чтение, при этом отмечается сильная взаимосвязь когнитивных механизмов восприятия текста с профессиональным мышлением, свойственным людям данной профессиональной группы; особый механизм идентификации «читатель-герой», при котором читатель воспринимает героя как «анти-Я», субъекта реализующего скрытую потребность читателя в столкновении с далеким, неизвестным, алогичным, всем тем, что воспринимается читателем как невозможное в его собственном реальном «жизненном мире», для данного механизма характерна сильная личностная вовлеченность читателя в действие, острота эмоциональной реакции, «погруженность» в сюжет, аффективная сопричастность герою. Библиотерапевтически эффект такой модели чтения заключается в текстуальной тематизации собственных явных и скрытых потребностей читателя, способствующей их сублимации в акте читательского фантазирования.

2. Вторая модель свойственна респондентам-холерикам, ее можно охарактеризовать следующим образом: чтение как повод для социального взаимодействия, установления групповой и трансгрупповой идентичности, ориентация чтения не на получение сиюминутного психо-эмоционального впечатления, а на реализацию психо-эмоционального потенциала сюжета в последующем групповом взаимодействии; сюжет повествования воспринимается как набор внешних по отношению к самому тексту и его персонажам событий, которые привлекают внимание по той причине, что обнаруживают параллели с реальным миром читателя, а потому могут быть разыграны им, воспроизведены в игровой форме в своем «жизненном мире», из-за чего повествование воспринимается не как повествование об «анти-Я» (лич-

ностное восприятие), а как рассказ о «нас» (группа, объединенная единым сюжетом тесного социального взаимодействия – в нашем случае это отношения с коллегами на работе); неличностный характер идентификации читателя и героя, проявляющийся преимущественно в установлении игровой идентичности на основе внешне-го сходства персонажа и читателя, при этом идентификация такого рода может быть результатом коллективного соглашения относительно правил «затекстовой» ролевой игры и носит не только неличностный, но даже внеличностный характер (поскольку может устанавливаться не самим читателем, а другими участниками игры). Билиотерапевтический характер такой модели чтения заключается в создании игровых условий «фантазийного» социального взаимодействия, разрушающего монотонность повседневного, рутинного профессионального общения.

Исследование 2. По данным социометрических исследований, среди любителей определенной разновидности массовой интеллектуальной, философской прозы (Р. Бах, Б. Вербер, Х. Мураками, П. Коэльо) значительную долю составляют молодые женщины, девушки старшего школьного, студенческого возраста. Нами было проведено углубленное изучение пяти «читательских случаев». Как и в предыдущем примере, эти пять кейсов отбирались по двум параметрам: близость социально-демографических характеристик читателей и общность литературных предпочтений. В нашем случае изучались 5 девушек-студенток в возрасте 20-22 лет, получающих высшее филологическое образование, назвавших среди своих литературных предпочтений роман Паоло Коэльо «Вероника решает умереть».

Роман Коэльо рассказывает о молодой девушке, переживающей духовный кризис. После неудачной попытки суицида Вероника попадает в клинику для душевнобольных, где врач сообщает ей, что, хоть ее попытка суицида и не удалась, у Вероники имеется неизлечимая болезнь сердца, из-за которой ей осталось жить совсем недолго. Это известие, а также общение с окружающими Веронику людьми постепенно меняет ее отношение к жизни, она встречает в клинике свою любовь, научается ценить каждое мгновение. Несмотря на трагический исход, финал произведения оптимистичен. Как и романы Р. Баха, роман Коэльо относится к числу «психотерапевтических» произведений, направленных на «взращивание» в читателе «правильного» отношения к жизни.

В данном случае при обследовании респондентов опросник Айзенка дал следующие результаты:

Респонденты А, Б, В, Г (одинаковые данные): норма человеческой лжи (высокий уровень доверия к ответам), интроверт (сенсорно-этический тип), эмоционально неустойчивый (нейротический) тип, меланхолик.

Респонденты Д: человеческая ложь выше нормы (невысокий уровень доверия к ответам), экстраверт, импульсивный холерик.

Неравномерность распределения психотипов в исследуемой группе читателей обусловила существенные отличия в определении стратегий и моделей чтения у первой группы респондентов и респондента Д.

Так, на вопросы о месте и времени чтения типичные ответы первой группы респондентов: «дома», «в дороге», «на отдыхе», «на досуге». В то же время респондент Д отметил возможность чтения прямо во время лекции.

На вопрос о целях чтения большинство респондентов давали следующие ответы: «такая литература помогает жить», «эта книга заставила меня переосмыслить свою судьбу, посмотреть на мир по-иному», «там очень мрачная атмосфера, но автор так мастерски пишет, что читатель преодолевает мрак, начинает видеть свет там, где его, казалось бы, нет» (респондент А); «Коэльо учит правильному отношению к жизни» (респондент В); «в свое время эта книга спасла меня от депрессии», «для меня очень важно, что автор сам прошел через то, о чем он пишет, такому писателю я верю... это действительно правда жизни» (респондент Г); «я не могу сказать, что произведения Коэльо – литературные шедевры, понятно, что как писатель он весьма наивен, но эта наивность делает его очень доступным, понятным, близким... там скомканный сюжет и повествование ведется странно, но книга достигает своей цели, по крайней мере, меня она зацепила, как и вообще произведения Коэльо, начинаешь понимать какие-то простые вещи, которые до этого от тебя словно скрывали, ты их не видел, а они на поверхности. Истины, которые он проповедует, вроде бы стары как мир, но для каждого отдельного читателя они оказываются открытием... он пишет легко и поэтому ему хочется верить больше, чем тем, кто пишет всякую заумь» (респондент Б). Вместе с тем ответы респондента Д обнаруживают иную мотивацию: «Коэльо – интеллектуальный писатель, но он другой, он пишет о сложном очень просто... когда читаешь такие книги, приобщаешься к на-

стоящей интеллектуальной литературе... Я всем советую прочитать “Веронику”, в свое время мы много обсуждали ее с подругами, потому что так или иначе описываемая им ситуация знакома многим. Мне лично она не знакома, но я знаю людей, которые прошли через трагическую любовь, думали о самоубийстве, для них эта книга стала лекарством, мне кажется, именно в этом главная функция настоящей литературы», «Когда обсуждаешь такую литературу, это очень сближает, вообще, это хорошая книга, чтобы обсудить ее с друзьями, с тем, кто тебе близок, это одновременно и обогащение души, и обогащение интеллекта, Коэльо все-таки очень мудрый человек, и его книжки читать интересно и поучительно», «это настоящая литература, которую можно с удовольствием читать не по программе, просто, чтобы отвлечься, тут есть очень глубокая мысль, но читается гораздо легче».

Таким образом, на лицо две стратегии. В стратегии большинства респондентов доминируют гедонистическая, познавательная и ценностно-ориентирующая функции – читая роман, человек стремится узнать нечто новое о самом себе, переориентировать свое поведение и восприятие ситуации, при этом следует учитывать, что меланхолик-интроверт нейротического типа обычно замкнут, не склонен к обсуждению своих чувств и переживаний, вместе с тем, он очень зависим от направляющей силы, исходящей из авторитетного для него внешнего источника, поэтому привязанность к такого рода «жизненной», «поучающей», «наставляющей» литературе может быть для него почти экзистенциальной потребностью. Респондент Д реализует иную стратегию чтения, где основными являются престижная и познавательная функции: чтение является для него поводом к социальному взаимодействию, а также знаком причастности к группе «высокодуховных» людей, переживших или переживающих личную драму, знающих, что такое глубокие чувства, депрессия и страдания, притом, что импульсивному холерику с тенденцией к оптимистическому восприятию реальности эти чувства скорее всего не знакомы, уж тем более ему не свойственно длительное время концентрироваться на своих переживаниях. Зависимость такого типа читателя от подобного рода текстов носит не личностный, а социальный характер: чтение оказывается одной из составляющих социальной маски, определяемой, если использовать терминологию Э. Фромма, модусом «казаться», а не «быть».

Элементы формальной и тематической структуры текста, позволяющие реализовывать данные стратегии:

- Тематическое своеобразие: позволяет читательнице идентифицировать себя с героиней (возраст, пол, ситуация душевного кризиса), верифицировать свои чувства и за счет установления этой психологической идентичности выйти из душевного кризиса, подобно героине романа. Глубина и философская значимость основной темы романа создают представление о его интеллектуальной значимости. В то же время сюжет романа словно специально апеллирует к людям с интроверсивным складом личности (героиня живет одна, она замкнута, а ее психологическое преобразование рисуется как разрушение замкнутости: она научается принимать чувства, которых до этого не испытывала, принимать новые эмоции, желания, вообще свою способность к изменению, свое непостоянство).

- Назидательность: несмотря на философичность темы, роман не оставляет пространства для интерпретаций, идейный пафос автора четко формулируется в монологах героини, часто в афористической форме, придающей повествованию оттенок назидательности. Вместе с тем, чтение, не требующее никаких интеллектуальных усилий, создает у читателя ощущение защищенности, абсолютной правоты, авторитетности автора (ср. высказывание одного из респондентов: «ощущение, что тебя взяли за руку, поставили на твердую землю и ведут в правильном направлении, тебе надо только не сопротивляться, поверить и дать себя вывести»), что делает текст особенно привлекательным для читателей неуравновешенного, нейротического типа.

- Притчевость: в романе почти нет деталей, которые бы делали эту историю культурно, социально, психологически маркированной, читателю дают понять, что подобное преобразование может произойти с человеком любой национальности, любого возраста и пола. Универсальность смыслов еще больше облегчает идентификацию читательницы и героини.

- Небольшой объем текста и простота языка: смысл романа понятен любому читателю, чтение не требует специальных навыков и читательского опыта.

- Маркетинговый фон: творчество Коэльо подается маркетологами как образец интеллектуальной прозы, подлинной литературы, при этом акцент делается

на то, что все, о чем пишет автор, им самим глубоко прочувствовано, что опыт героя соответствует собственному опыту автора.

Отсюда можно вывести две модели чтения.

1. Основная модель, реализуемая большинством респондентов: считывание сюжета как притчи, имеющей непосредственное отношение к собственному существованию читателя; сильная личностная идентификация с главной героиней, позволяющая добиваться психотерапевтического эффекта; установка на интимное чтение (чтение дома, на досуге, нежелание обсуждать причины и эффекты чтения); высокая зависимость от авторитета авторского тона, потребность в ясном и недвусмысленном наставлении, основанном на собственном жизненном опыте; «жизнеобеспечивающий» характер чтения (чтение такой литературы как экзистенциальная потребность в авторитетном слове); наивный характер чтения (принципиальное отсутствие потребности в разгадывании смысла, простота восприятия как составляющая «глубины» мысли).

2. Частная модель, свойственная респонденту Д: чтение как ролевая деятельность, направленная на приобщение к определенной группе сверстников и сверстниц, имеющих, как представляется читателю, большой эмоциональный опыт, способных к более глубокому и драматическому переживанию событий жизни; псевдоидентификация (желаемая, но принципиально невозможная идентификация) с героиней романа; установка на чтение с познавательными целями и целями социальной интеграции, социально ориентированное читательское поведение; смешение психологических и интеллектуальных характеристик, в результате которого способность к драматическому переживанию опознается как признак интеллектуальной глубины (героини и, соответственно, читательниц, обнаруживающих свое сходство с ней).

Между тем, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что обе модели имеют единый фундамент: они основаны на экзальтированном восприятии собственной личности и во много обусловлены объясняемой, вероятно, возрастом неспособностью к адекватному самовосприятию и самооценке, гипертрофированным стремлением познать себя, при этом вместо реального самопознания чтение предлагает простую и ясную сюжетную схему, замещающую самопознание иллюзией идентификации, только в первом случае идентификация является иллю-

зорной в силу фактического преувеличения драматизма собственной жизненной ситуации, вероятнее всего, не адекватной предлагаемому автором рецепту, а во втором случае идентификация является иллюзорной потому, что вообще не связана с разрешением собственной жизненной коллизии и выполняет совершенно иную – социально-интеграционную функцию.

В целом, предложенная исследовательская модель обладает рядом существенных преимуществ:

1. Она отказывается от имманентного статуса «элитарности»/«массовости» произведения, а значит позволяет избежать проблем, связанных с определением художественного «качества» текста.

2. Позволяет описывать текст в зависимости от социально-психологических «переменных», определяющих рецептивный контекст чтения. Таким образом, исследовательский фокус переносится на обстоятельства чтения и читающего субъекта, что оправданно, поскольку именно от них зависит оценка произведения и производимый им эффект, смысловой, художественный, психосоматический.

3. При этом чтение произведения рассматривается как особая коммуникативная практика, включенная в сеть подобных практик, куда входит чтение нелитературных текстов, а также разнообразные коммуникативные цепочки, выстраивающиеся «вокруг» чтения: литературные рекомендации и система авторитетов, обсуждение произведений, приятие или неприятие, типы социально маркированного поведения и проч.

4. Для каждого произведения оказывается возможным описать сразу несколько актуализируемых им рецептивных моделей, в зависимости от параметров рецептивного контекста.

3.2. Рекомендации по внедрению результатов НИР в научно-образовательный процесс

В рамках НИР также были *сформулированы рекомендации библиотекам* по комплектованию библиотечных фондов произведениями современной зарубежной массовой литературы. Полученные в ходе проведения третьего и четвертого этапов исследования результаты были использованы участниками проекта при *создании трех учебных программ*: спецкурсов «Современная зарубежная мидл-литература»

(авторы-разработчики: Д. В. Спиридонов, Е. С. Ессяк), «Современная зарубежная массовая литература (на примере изучения женского романа)» (авторы-разработчики: А. В. Бороненко, А. С. Поршнева), «Рецептивные модели восприятия современной зарубежной массовой литературы» (авторы-разработчики: Л. А. Назарова, А. А. Косарева). Полученные в результате НИР данные могут быть использованы при обновлении образовательных курсов по социологии литературы/чтения, психологии литературы, методологии литературоведения, а также в курсах по изучению массовой литературы, при подготовке материалов для занятий по современной зарубежной массовой литературе.

4. Публикации результатов НИР

По результатам шестого этапа исследований одна статья опубликована в ведущем рецензируемом журнале из списка научных периодических изданий, рекомендованных ВАК РФ, и одна статья принята к печати. Издана коллективная монография по материалам международной конференции «Культ-товары-XXI: ревизия ценностей. Масскультура и ее потребители», прошедшей в Екатеринбурге 22-23 мая 2012.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью шестого этапа исследования были обобщение и оценка результатов исследования. В рамках проведенного исследования выполнены следующие виды работ:

Основной целью предпринятого исследовательского проекта была разработка современной методологической программы выявления количественных и качественных показателей, отражающих специфику рецепции российскими читателями текстов зарубежной массовой литературы. Для достижения этой цели была разработана программа исследований, включавшая в себя:

1. *Обзор и анализ достижений рецептивных исследований литературы*, прежде всего, немецкой рецептивной эстетики и работ, выполненных в духе ESL (Empirical Studies of Literature); проекцию полученной методологической матрицы на закономерности устройства текстов массовой литературы. Всё вместе это позволило выявить недостатки современной методологии рецептивных исследований в этой области, а также очертить то место в структуре современного гуманитарного знания, которое должна занять разрабатываемая методология.

2. Предварительное *социологическое изучение читательских предпочтений* современного массового читателя в России, выявление корреляций между читательскими привычками и социально-демографическими характеристиками различных читательских групп.

3. Разработка *теоретической модели рецепции текстов массовой литературы*, учитывающую социологические и психологические параметры чтения и включающую, среди прочего, такие параметры, как функции чтения, читательская ситуация, стратегия чтения, модель чтения. Эта схема позволяет сформировать четкую, ясную программу качественного психолого-социологического исследования восприятия текста или какой-либо типологической группы текстов, построить модель чтения, исходя из индивидуальной читательской стратегии и типологических свойств самих произведений. При построении схемы учитывался предшествующий опыт построения типологий функций чтения, традиции функционального подхода в литературоведении, а также данные из области общей социальной психологии и психологии чтения.

4. Разработка *новой методологии* и, в некотором смысле, идеологии изучения текстов массовой литературы, которая получила название *функционально-рецептивного подхода*.

5. *Отработка данной теоретико-методологической базы* при анализе конкретного литературного материала и конкретных рецептивных ситуаций.

6. Разработка *учебных курсов*, связанных с массовой литературой и рецептивной эстетикой.

7. Подготовка *научно-технической документации* по результатам НИР, опубликование основных результатов в научной печати.

Основным достижением предпринятого исследовательского проекта стала разработка функционально-рецептивного подхода к изучению массовой литературы. Принципиальная новизна данного подхода заключается в том, что он:

1. Отказывается от имманентного статуса «элитарности»/«массовости» произведения, а значит позволяет избежать проблем, связанных с определением художественного «качества» текста.

2. Позволяет описывать текст в зависимости от социально-психологических «переменных», определяющих рецептивный контекст чтения. Таким образом, исследовательский фокус переносится на обстоятельства чтения и читающего субъекта, что оправданно, поскольку именно от них зависит оценка произведения и производимый им эффект, смысловой, художественный, психосоматический.

3. При этом чтение произведения рассматривается как особая коммуникативная практика, включенная в сеть подобных практик, куда входит чтение нелитературных текстов, а также разнообразные коммуникативные цепочки, выстраивающиеся «вокруг» чтения: литературные рекомендации и система авторитетов, обсуждение произведений, приятие или неприятие, типы социально маркированного поведения и проч.

4. Для каждого произведения оказывается возможным описать сразу несколько актуализируемых им рецептивных моделей, в зависимости от параметров рецептивного контекста.

Научная новизна результатов исследования связана с выработкой нового комплексного подхода к изучению механизмов рецепции инокультурных произведений массовой литературы российскими читателями на основе методов эмпириче-

ского литературоведения и рецептивной эстетики. В рамках этого подхода переосмыслена дихотомия «массовая литература – качественная (высокая, интеллектуальная, элитарная) литература», предложено содержательное наполнение понятию «качества чтения», описаны конкретные рецептивные модели современного женского и интеллектуального романа.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке положений функционально-рецептивного подхода к анализу произведений массовой литературы, сочетающего идеи рецептивной теории, социологии литературы и социологии чтения, а также его интеграции с теоретическими положениями феноменологической социологией, что расширяет возможности социолого-психологического изучения рецепции массовой литературы.

Практическая значимость исследования заключается в разработке методологической программы эмпирического изучения массовой литературы, построенной на сочетании нескольких групп методов, которая затем может быть экстраполирована на изучение других типов текстов; разработке новых учебных курсов по проблемам психологии и социологии чтения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Институциональные изменения в литературной культуре России (1990-2001 гг.) // Мониторинг общественного мнения. – 2002. № 6. – С. 43-55.
2. Дубин Б. В. Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры. – М.: Новое издательство, 2004.
3. Дубин Б., Зоркая Н. Чтение и общество в России 2000-х годов // Вестник общественного мнения. – 2008. № 6 (98). – С. 30-52.
4. Левина М. Читатели массовой литературы в 1994-2000 гг. – от патернализма к индивидуализму? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2001. №4. – С. 30-37.
5. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002.
6. Спиридонов Д. В. Нарратив массовой литературы в пространстве повседневности: диегесис как мимесис / Д. В. Спиридонов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2011. – №4. – Т.1: Филология. – С. 54-63.
7. Стефановская Н. А. Экзистенциально-коммуникативные основы чтения: Теория, методология и методика социологического исследования: автореф. дисс... докт. соц. наук. Тамбов, 2009.
8. Фрумкин К.Г. Кризис художественной литературы с точки зрения ее социальных функций. М.: Критика, 2008.
9. Ханин М.Г. Социальные функции печати и личностные функции чтения // Социология и психология чтения. – М.: Книга, 1979.
10. Baldick Ch. The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms. – Oxford; N.-Y.: Oxford University Press, 1990.
11. Comprehension of Literary Discourse: Interdisciplinary Approaches // Ed. by D. Meutsch, R. Viehoff. – Berlin: De Gruyter, 1989.
12. Directions in Empirical Literary Studies / Ed. by S. Zyngier, M. Bortolussi, A. Chesnokova, J. Auracher. – Amsterdam: John Benjamins, 2008.
13. Empirical Approaches to Literature and Aesthetics / Ed. by R.J. Kreuz, M.S. MacNealy. – Norwood: Ablex, 1996.

14. Empirical Approaches to Literature: Proceedings of the Fourth Biannual Conference of the International Society for the Empirical Study of Literature – IGEL, Budapest, August 1994 / Ed. by G. Rusch. – Siegen: Siegen University, 1995.
15. Gold H. The Novelist at the Opera: Genre and Intertextuality in *Su unico hijo* // Intertextual pursuits: literary mediations in modern Spanish narrative. – Lewisburg, 1998. – P. 76-97.
16. Juvan M. Generic Identity and Intertextuality [Электронный ресурс] // Comparative Literature and Culture 7.1 (2005). – P. 1-11. URL: <http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol7/iss1/4> (19.10.2011).
17. Maryl M. The apology of popular fiction. Everyday uses of literature in Poland / M. Maryl // Directions in Empirical Literary Studies. – Amsterdam: John Benjamins, 2008. – P. 317-328.
18. Nell V. Lost in a Book. Psychology of Reading for Pleasure. – New Haven: Yale University Press, 1988.
19. Radway J. Reading the Romance. Women, Patriarchy and Popular Literature. – Chapel Hill: North Carolina University Press, 1984.
20. The Empirical Study of Literature and the Media: Current Approaches and Perspectives / Ed. by S. Janssen, N. Van Dijk. – Rotterdam: Barjesteh, 1998.
21. The Psychology and Sociology of Literature: In honor of Elrud Ibsch / Ed. by D. Schram, G. Steen. – Amsterdam: John Benjamins, 2001.